

Метафизика Революции

Лиля Брик и Маяковский

Ефим Лямпорт
Нью-Йорк

Посвящается Николаю Славянскому

Побудительным мотивом к моему исследованию отношений Лили Брик и Владимира Маяковского не были: интерес и любовь к поэзии Маяковского (таковая сполна утоляется самой великой поэзией поэта); интерес к биографии поэта, Лили Брик и их окружения (любопытство тянется к сплетням, историям чужой жизни, но не настолько, чтобы посвящать им дорогое время); интерес к личности Маяковского-поэта, а именно художника и творца (жизнеописание ничего не дает для этого, кажется, важного понимания; скорее отнимает, отвлекая шутками, сенсациями, надрывами, депрессией).

Личность Маяковского абсолютно чиста и безлична. Он весь — его собственная поэзия. «Я поэт, этим и интересен» — место указано, и искать где-то — значит ломиться в открытую дверь. Вернее, мимо открытой двери. Вне поэзии поэта Маяковского не существует.

Маяковский, взятый как специфическое явление национального русского самовыражения в конкретный момент русской и мировой (русское — всегда великое и неотделимо от мирового) — истории.

Феномен Маяковского как феномен русской свободы. Проявление метафизики этой свободы. Ее воплощение в Великой Октябрьской революции.

Феномен Маяковского в раскрытии русского понимания свободы и освобождения.

Личная жизнь Маяковского, особенно его связь с семьей Брик. Здесь требуется написать: с еврейской семьей Брик — наиважнейшая составная в раскрытии темы. Поскольку никакое раскрытие русской темы невозможно без раскрытия темы еврейской. Столько лет вместе.

Русские в силу своей исключительной судьбы — народ, сделавший свободный конфессиональный выбор. Русские выбрали христианство и православие сами. Эта способность и возможность выбирать, всегда остающаяся за русскими (с русскими), и есть их наиправнейшая специфика. Их судьба.

При становлении индустриального общества в России традиционный уклад, связывающий русских с православием, оказался попорван. Часть общества, пролетариат, освободилась и от тради-

ворил. На укрощении хаоса Маяковский, собственно, и надорвался, когда стало ясно, что полет без барьеров и вся эта чудовищная сила без конца были призваны для обдуривания мелкого индустриального полубуржуазного гешефта и копеечных рабочих выгод, крутить колеса производственных шпукле-шмуклек.

Да, футуризм клялся индустриальным обществом, но имел в виду анархию и волю, а не график и гемморой дисциплины и каждодневного тренджа. Вечно длящейся взрыв, а не вечную тянучку.

Евреи, узнав, почувствовав ситуацию, сделали ставку на мятеж в перспективе выгод буржуазной революции, чтобы в первую очередь разрушить иерархию феодального товарищества и его строгий православный приоритет. При этом они заведомо ничего не теряли и ничем не рисковали. По большому — метафизическому — счету они и на кон-то ничего не ставили. Будучи народом не выбора, но народом избраным, они всегда пребывали в неразлучности, в неотделимости от своего Бога.

Конечно, не обошлось без боли и здесь, но гримасы боли и судороги скорее подтверждают, что и лицо, и тело, вся форма и масса, и общее выражение — на месте.

История семей Брик-Канон показателна. Обе семьи были буржуазными еврейскими семьями. Осип и Лили встретили друг друга еще в гимназические года. Лили — дочь московского присяжного поверенного, Осип — сын купца первой гильдии.

Семья, по социальному статусу, по деньгам — буржуазные; по укладу, вере, традициям — еврейские-религиозные, существовали в стране, где доминирующие ценности были именно религиозные. Православные. Деньги — не перевешивали. Как до конца не перевешивали ни связи, ни образование, ни личные способности.

Ограничения, накладываемые традициями и религией — не только православной, но и своей иудейской, — воспринимались молодыми как препоны. Либерализм, демократия соблазнили как доступ ко всем возможностям за свои средства (деньги). Призрак революции еще не материализовался, но, конечно, его ощущали, звали, к нему тянулись.

Лили и Осип и познакомились, когда он пришел в женскую гимназию с какой-то революционной лекцией, развивавшей гимназисток. Легко можно реконструировать их разговоры:

А любила Лили всегда Осипа.

Фото 1915 г. Автор неизвестен

ге», — это, видимо, говорят остатки девичьей скромности. Буржуазно-религиозные, в общем-то, предрассудки.

Лили уехала в Мюнхен в 1911 году, а в 1912-м, 26 марта вышла замуж за Осипа Брика. Свадьбу сыграли религиозную, по всем правилам, с раввином и под хупой.

Она практически сама сделала предложение Осипу Брику. Соединив с ним и с семьей, по-настоящему, как умирающий от жажды принимает к воле, Лили спасла себя от свободы и от разрушения, которое эта свобода ей неслась. Это было не возвращение передовой девушки с идеями из-за границы, а бегство. Под под защиту Дома, Родителей, Бога и Мужа от Бога.

(Я-то считала, что Фрейд и Маркс должны были быть приглашены почетными гостями на свадебный праздник. Как посаженные отцы, что ли... Традиции старого, на экономическом фундаменте, скрывающего серьезным человеческим фактором. Нет, не непреодолимым, но серьезным. Если сознанию указать на характер возникшего противоречия, то сознание возьмет на себя роль учителя, разрешителя конфликта — и невроз будет исцелен.

Человек и его поступки — это главный цельтедь. Ломка старого и строительство нового вылетает и общество и человека. Революция — средство от невроза.)

Осип и Лили с тех пор и не различались. Их отношения всегда оставались тесными и прочными. Из Лилиных писем и дневников очевидно, что Осип был ее единственной любовью. Нельзя сказать, что она любила его за сексуальную привлекательность или интеллектуальные качества, за деньги или за талант; она просто любила его.

Она любила его потому, что он был еврей, и потому, что их свадьба, а значит, их брак, имели для нее значение священного таинства — свадьба была освящена еврейским священником и еврейским ритуалом. Лили спасалась Осипом. Она спасала и свою душу. Он был ее законный муж, оплотворение и воплощение той старой жизни, неожиданно сделавшейся прибежищем от новой. Новой, которую она сама же и звала, а теперь бежала. Сперва — из Мюнхена домой, потом, всю жизнь, — от Маяковского к Осе.

Двойственность, разлом, амбивалентность — самая интересная и драматическая часть нашей истории и жизни нашей героини.

Счастливо жить той же жизнью, что жили родители, было невозможно, но и жить счастливо новой жизнью, новой свободной жизнью, оказалось невозможным. У свободы, — у вождельной, абсолютной свободы — были острые зубы. Или (если пойти по пути дурного каламбура) свобода оказалась Лиле не по зубам.

Перейдем к «русской части». К Маяковскому.

Маяковский. О! Маяковский!! Он был воплощенный Дух Свободы. И Дух Свободы был Маяковским. И все стихи Маяковского, работа, все естество поэта было этой Свободой. Самость Маяковского — его «Я» — Дух Свободы.

Поэтому я и говорю, что личностного в Маяковском не было. И, строго говоря, поэтического — не было. Хотя стихи он писал гениальные. Больше, чем гениальные. Больше, чем стихи.

Ранний Маяковский — гениальный русский поэт. Поздний Маяковский — это поэт неслыханный. Дух Свободы вешает. Это поэзия не от человека (поэтому, строго говоря, не-поэзия), это трансляция Слова Свободы, которая и есть Сама Свобода. Чистый Нihil.

Чистый Хаос. Самый Человечный Человек — это не только Ленин. Это и Маяковский. Это Дух Свободы.

Люблю ли я Маяковского? Раннего — да, люблю. Перед поздним я благоговю. А как же?

Мне, атеисту, воочию, в ощущении, так сказать, предьявляют духовное свидетельство такой мощи, что я не могу ни отрицать его, ни игнорировать. Более того, я буквально принужден логикой дорогой мне работы свидетельствовать собственный духовный оплот.

Рассуждая о Бриках, я реконструировал чужую филологию, теперь я говорю от собственного имени. Владимир Владимирович Маяковский был не только гениальным русским и советским поэтом, самым значительным поэтом нашей эпохи, но и воплощением Духа Свободы. Крепкая штука. И как ее только пьют беспартийные?

Евреи призвали Маяковского как освободителя. Евреи призвали русских как освободителей. Евреи заклинали пришедший через русских Дух Свободы. Манили его. Любили. Умоляли. Приносили в жертву и своих женщин, и своих богов. Только своего главного отдать не могли. Хотя и рады были бы.

Главное им не принадлежало. Они принадлежали главному. Поэтому что это не они выбрали. Это их выбрали. Это и есть «богоизбранная нация».

Из признаний Лили Брик известно, что если бы Осип так сильно не любил Маяковского, то и она его никогда бы так сильно не полюбила. «Это был Осип, кто первый влюбился в поэзию Маяковского и влюбил в нее всех нас».

Евреи были в метафизический барабан (в бубен) — в Маяковского. Громыхнула молния, пушкой «Авроры», настоящей войной.

В свете фольклорного «евреи России продали» трудно переоценить подлинность факта: «Облако в штанах» издано на деньгах Осипа Брика.

И еще, — и это очень серьезно: все кули-продажи проходили при активном участии обеих сторон. Уточним: евреи, по поручению и/или попустительству, русской стороны неоднократно продавали (предавали) Россию и христианские ценности. Примеры: Великая Октябрьская социалистическая революция и перестройка-приватизация.

Конкретно деньги, касса русским по большей части не доставалась. Играли роль два момента — равнодушие русских к деньгам как к таковым, а евреи — нация продувная, никто и не спорит; но зато за русскими оставались: память поколений, добрая слава, ореол. Евреям — слава дурная и деньги.

Да, евреи Россию продали, отпираться и бессмысленно и глупо. Деньги на счетах. Счета в Лондоне. Лондон на замке. А ключ потеряли.

Но не в одних же деньгах дело. Деньги — всего лишь сухой остаток; сдача с того, что прогугляли. Золотой нагар, снятый с огня упомянутого. А упивались вместе на этом поджоге-пожаре. Среди огня, криков, смерти и разрушения. Свобода — огонь. Ад как Солнце. Восходит из Хаоса.

(Есть нации, маниакальные в своей любви к порядку. Немецкая нация — это если взять для примера. Так ведь и у них не лучше выходит.)

Если уж дело дошло до сведения счетов, то русский убыток серьезней. Русские предали Свободу, променяв на нее своего Спасителя. Евреи не только остались при своих (со Своим) — они на это обречены, но еще и обтеревли русских.

У евреев еврейское буквально в крови. У русских — русское неизвестно где. Тайна. Русь, — говорят,

произноса задумчиво и нараспев, — русский-де дух.

Евреи одержимы прогрессом, индустриализацией, техническими и социальными новациями. Они всегда идеологи нового.

Философия «Бог умер», с ее общеевропейскими последствиями, с философией и онтологией европейского сверхчеловека, — недоступна иудизму. Евреи — Его народ. Желают они этого или не желают: евреи — рабы Бога. Поэтому ни объявить Его мертвым, ни флиртовать с иными духовными сущностями евреи не способны.

Если брать эту неспособность евреев на духовный выбор, их обреченность на пребывание с Яхве, то они действительно народ унтерменшей, и арийское высокомерие хозяев своей судьбы по отношению к народу, подчиненному Закону и Книге, обосновано.

Так же как и обоснованно страстное желание евреев найти протез: искусственно компенсировать недостаток свободы воли и свободы выбора в борьбе за свое бречное земное господство.

Наука, техника, экономика, политика, идеология стали такими средствами. При том, что еврей с его библейской внешностью в сочетании с hi-tech выглядит по меньшей мере нелепо.

Своеобразной и карикатурой и эмблемой марьяжа двух чужеродностей — ультрамодного и архипатриархального — может считаться харьковский «еврей на велосипеде»: «Поднимаю / Пыль клубам, / Карл Иванович / Шустерлинг / На стальном / Велосипеде / Мчусь с трубкою / В зубах».

Стальной протез прогресса — велосипед в революцию. Русские (как и евреи) — мощная сила, и она увлекает с той же энергией, с какой увлекается (вовлекается), — какой увлекается (вовлекается).

Революция была нужна и тем и другим. Брикам был нужен Маяковский. Маяковский жить не мог без Брик.

В книжке мемуаров и писем Лили Брик среди множества фотографий есть одна — фотография гостиницы, где Брик жила последние годы. Большую часть снимка занимает большой обеденный стол, накрытый для чаепития. На столе: чашки с чаем, розетки с конфетами и печенем, бутылка итальянского вермута, маленькие рюмочки (не напиться) и тарелка с майой. Подпись: «За этим гостеприимным столом в течение многих лет собирались поэты, художники, артисты...»

Причастие из рук Лили Брик. Не важно, кем она считала себя — коммунисткой, человеком мира, атеисткой. Она всегда оставалась — еврейкой, женой еврея, дочерью своего Бога. Своим поведением, манерами, вкусами, звуком самого своего голоса, интонациями, эманациями — она воспитывала русских евреями. Поэтов, художников, артистов. А они разносили по всей стране и по другим странам.

Русское вымывалось, замещалось еврейским. Поэтому верно сказать, что русские потеряли больше. Хотя в принципе подсчитывать убытки бесполезно. Не оттого, что нечего считать, а оттого, что не пересчитаешь. Урон — огромный и бесценный. Приобретения — велики и хорошо подпадают учету.

«Бедная Россия» после революции и Второй мировой войны, превратившись в СССР, достигла с чем не сравнимого, сказочного величия, соответствующего и предназначению русской нации и размерам ее амбиций. Русский язык, литература, наука, военная мощь, сам народ — расцвели, как никогда прежде. Сохранив и приумножив наследство старой России, СССР стал ее законным и общепризнанным продолжением. Наконец, СССР стал мировой сверхдержавой, что означает, что СССР стал страной, решающей и определяющей, чему и как быть в мире.

К маю 1945 года Россия-СССР достигла абсолюта в своей — именно русской-национальной — державной мощи. Ничто не могло противостоять русской харизме. Буквально: весь мир был покори.

Теперь об убытках, которые не считаем. Во время революции две духовные силы — иудизм и христианство — освободили колоссальный духовный

ресурс, в анабиоз, в смерть заживо (Илья Муромец) есть не что иное, как тоска по языческому Хаосу. Ностальгия по первому миру, по временам до-творения, к которым русские, очевидно, мистически причастны.

Тот же Обломов, с его полубодрствованием-полусном, в тумане, в нигде надевающий по полдня один носок; пребывающий в полужизни — в полусмерти. Одной ногой, обутый и теплой, — здесь; другой, босой на холоду, — там.

Русский бунт, русская лихость, прославленный полет птичьей тройки в никуда — все это оборотная сторона, изнанка апатии и хандры.

Евреи и русские казались идеальной парой, чтобы занять друг друга делом и чтобы — так огонь перескакивает с одного на другое — заняться друг от друга. Оба народа нашли заманчивым такой союз. С какой целью?

На этот счет не может быть никаких заблуждений. С целью полной реализации своих сущностных — религиозных и национальных — заданий. Для полного самоосуществления.

Только идиот может заявить, что евреи хотели использовать

потенциал — энергию. Трансформированная из духовной в энергию человеческого общества — как перевод одной валюты в другую — эта энергия (валюта) дала человечеству возможность построить великое. Авторитет Бога, его сила, оптимизм созидания, вера в победу вечного добра — перешли в человеческие руки, стали человеческим достоянием. А человек стал верховным существом, распределяющим это достояние. Все стало госпланом.

Новейшая история, в которую человечество с таким риском вступило, ассоциировалась с СССР и социализмом.

Этот колоссальный источник, это состояние, казавшееся неисчерпаемым, искали достаточно скоро. Уже сейчас мы лакаем из мелкой лужи мутную жижу, и дно уже просвечивает. Самая страшная и самая невосполнимая растра.

Считать человеческие потери — сколько унесли революции, Гражданская война, коллективизация и индустриализация — и бессмысленно и пошло. Делать это я отказываюсь. Капитализм, феодализм, пафизм, вегетарианство и демократия никому не подарили бессмертия. Все, что

Брикам был нужен Маяковский. Маяковский жить не мог без Брик

русских, а русские были обманом

вовлечены в революцию. Русские (как и евреи) — мощная сила, и она увлекает с той же энергией, с

какой увлекается (вовлекается), — какой увлекается (вовлекается).

Революция была нужна и тем и другим. Брикам был нужен Маяковский. Маяковский жить не мог без Брик.

В книжке мемуаров и писем Лили Брик среди множества фотографий есть одна — фотография гостиницы, где Брик жила последние годы. Большую часть снимка занимает большой обеденный стол, накрытый для чаепития. На столе: чашки с чаем, розетки с конфетами и печенем, бутылка итальянского вермута, маленькие рюмочки (не напиться) и тарелка с майой. Подпись: «За этим гостеприимным столом в течение многих лет собирались поэты, художники, артисты...»

Причастие из рук Лили Брик. Не важно, кем она считала себя — коммунисткой, человеком мира, атеисткой. Она всегда оставалась — еврейкой, женой еврея, дочерью своего Бога. Своим поведением, манерами, вкусами, звуком самого своего голоса, интонациями, эманациями — она воспитывала русских евреями. Поэтов, художников, артистов. А они разносили по всей стране и по другим странам.

Русское вымывалось, замещалось еврейским. Поэтому верно сказать, что русские потеряли больше. Хотя в принципе подсчитывать убытки бесполезно. Не оттого, что нечего считать, а оттого, что не пересчитаешь. Урон — огромный и бесценный. Приобретения — велики и хорошо подпадают учету.

«Бедная Россия» после революции и Второй мировой войны, превратившись в СССР, достигла с чем не сравнимого, сказочного величия, соответствующего и предназначению русской нации и размерам ее амбиций. Русский язык, литература, наука, военная мощь, сам народ — расцвели, как никогда прежде. Сохранив и приумножив наследство старой России, СССР стал ее законным и общепризнанным продолжением. Наконец, СССР стал мировой сверхдержавой, что означает, что СССР стал страной, решающей и определяющей, чему и как быть в мире.

К маю 1945 года Россия-СССР достигла абсолюта в своей — именно русской-национальной — державной мощи. Ничто не могло противостоять русской харизме. Буквально: весь мир был покори.

Теперь об убытках, которые не считаем. Во время революции две духовные силы — иудизм и христианство — освободили колоссальный духовный

ресурс, в анабиоз, в смерть заживо

(Илья Муромец) есть не что иное, как тоска по языческому Хаосу. Ностальгия по первому миру, по временам до-творения, к которым русские, очевидно, мистически причастны.

Тот же Обломов, с его полубодрствованием-полусном, в тумане, в нигде надевающий по полдня один носок; пребывающий в полужизни — в полусмерти. Одной ногой, обутый и теплой, — здесь; другой, босой на холоду, — там.

Русский бунт, русская лихость, прославленный полет птичьей тройки в никуда — все это оборотная сторона, изнанка апатии и хандры.

Евреи и русские казались идеальной парой, чтобы занять друг друга делом и чтобы — так огонь перескакивает с одного на другое — заняться друг от друга. Оба народа нашли заманчивым такой союз. С какой целью?

На этот счет не может быть никаких заблуждений. С целью полной реализации своих сущностных — религиозных и национальных — заданий. Для полного самоосуществления.

Только идиот может заявить, что евреи хотели использовать потенциал — энергию. Трансформированная из духовной в энергию человеческого общества — как перевод одной валюты в другую — эта энергия (валюта) дала человечеству возможность построить великое. Авторитет Бога, его сила, оптимизм созидания, вера в победу вечного добра — перешли в человеческие руки, стали человеческим достоянием. А человек стал верховным существом, распределяющим это достояние. Все стало госпланом.

Новейшая история, в которую человечество с таким риском вступило, ассоциировалась с СССР и социализмом.

Этот колоссальный источник, это состояние, казавшееся неисчерпаемым, искали достаточно скоро. Уже сейчас мы лакаем из мелкой лужи мутную жижу, и дно уже просвечивает. Самая страшная и самая невосполнимая растра.

Считать человеческие потери — сколько унесли революции, Гражданская война, коллективизация и индустриализация — и бессмысленно и пошло. Делать это я отказываюсь. Капитализм, феодализм, пафизм, вегетарианство и демократия никому не подарили бессмертия. Все, что

В свете известного «евреи Россию продали», трудно переоценить факт: «Облако в штанах» издано на деньги Осипа Брика

диционной жизни, и с ней — от традиционных ценностей, в первую очередь от религиозных, стала ударной силой мятежа, порыва к свободе и вместе с тем слабым звеном старой, феодальной, иерархической России.

Выламывание из старого открыло вакансию — пустоту. Метафизическое зияние. Nihil. Поэтому буржуазное «Будем лопать пустоту» — это метафизическое открытие. Из него, как из «Шинели» Гоголя, вышел Маяковский.

Пустота — девственное место, новое начало — приглашала нового создателя, архитектора нового мира и новой жизни. Но это потом, в неопределенной перспективе. Немедленно, здесь и сейчас она давала освобождение от всего. Полное и окончательное. Что на практике означало хаос и неминуемые мятеж и разрушение.

Рациональная подсказка, обоснование мятежа пришлось ко времени — борьба за экономические и политические права. На этом состоялась Великая Октябрьская социалистическая революция.

Укрощение хаоса, этап строительства был абсолютно неприемлем для Маяковского, что бы он об этом сам ни думал и ни го-

Ефим Петрович Лямпорт — поэт, прозаик, критик.